

Блистают звезды, цвет меняют горы,
Снега сползают, розы опадают,
Мне очень жалко тех людей, которых
На свете ничего не удивляет.
Рождаются великие творенья
Не потому ли, что порою где-то
Обычным удивляются явлениям
Ученые, художники, поэты.
Я удивляюсь и цветам и птицам,
Хоть мне их не понять, как ни пытаюсь.
Я удивляюсь и словам и лицам,
Чужим стихам и песням удивляюсь.
Текут ручьи, звенят их голоса,
Я слышу моря гул и птичье пенье.
Земля нам дарит щедро чудеса
И ждет взамен труда и удивленья.

Перевел Н. Гребнев

Если цените вы и январь и апрель,
Если хлеб выпекаете вы,
Если ночью качаете вы колыбель,
Если слышите шелест листвы,
Если женщиной вы очарованы так,
Что в снегах закипают ручьи,
Я дарю вам на счастье,
как верный кунак,
Белоснежную веточку алычи!

Перевел Я. Козловский

Порою смысл в надгробной речи есть ли,
Зачем она умершему, к чему,
Душевных слов вы не успели если
Сказать за годы многие ему?

Как часто не хватает добрых слов нам,
Они волшебны, добрые слова,
И в холода нас согревают, словно
Кизилловые пылкие дрова.
Ростков не даст до времени зерно вам,
Согреть земля должна его сперва.
Чтоб высечь пламя, и сердцам кремневым
Необходимы добрые слова.

Перевел Я. Козловский

Пусть утес не достигает облака,
Безымянный, он который век,
Не гордясь неповторимым обликом,
Терпит летний дождь и зимний снег.
Не придумано ему названия,
В книгах про него не говорим,
Но утес в своем величье каменном
Не завидует горам большим.
Ручеек, свое шлифуя ложе,
Скачет меж неведомых камней
И, безвестный, вовсе не тревожится
О безвестной участи своей.
В мире реки есть, до славы жадные,
В них порою не достанешь дна,
В городах кафе перворазрядные
Звучные их носят имена.
Реки по земле текут огромные
И ручьи, воспетые стократ,—
Им не подражая, реки скромные
Носят лодки, земляков поят.
Друг, не подражай чужой огромности,
На чужой не зарься пьедестал.
А завистлив ты — завидуй скромности
Малых рек и безымянных скал.

Перевел Н. Гребнев

Чужой бедою жить не все умеют,
Голодных сытые не разумеют.
Тобою, жизнь, балован я и питан,
И впредь со мною делай что угодно,
Корми как хочешь, но не делай сытым,
Глухим, не понимающим голодных.
Перевел Н. Гребнев

Сжимаю в пальцах влажный ком земли,
Вдыхаю запах сладкий и знакомый.
Как часто, люди, умирать мы шли
За эти хлебом дышащие комья!
Земля переживает всех живых
И, пахнувшая потом и дождями,
Покоит повелителей своих,
По-царски шествовавших за плугами.
Земля берет и тех, кто волей злой
Ее сжигал, пытал огнем и громом,
Земля, покрывшись пеплом и золой.
Все ж остается прежним черноземом.
И кто ни угрожал бы мне войной,
Что б люди ни придумали, — я знаю:
Нет в мире сил сильнее земли родной,
Кусок которой я в руке сжимаю.

Перевел Н. Гребнев

На ветру меня ломало,
Был я слабою ветлой.
Но стоял и я, бывало,
Твердокаменной скалой.
Ахнет гром иль грянет выстрел
Гнулся я, как все стволы.
А бывало: грянет выстрел...
Или гром — и только искры
Отлетают от скалы.

Перевел Н. Гребнев

Ценю я с нежностью и строгостью
Ту доброту как человек,
Которая перед жестокостью
Вдруг не растает, словно снег.
Ценю я доброту суровую,
Всегда за правду на костер
Взойти пред временем готовую,
Жестокости наперекор!

Перевел Я. Козловский

Женщина месит взошедшее тесто.
Льется зари или месяца свет...
Эта картина всем людям известна
Многие тысячи лет.
Хлеб выпекается древний, как слово,

Может, пшеничный, а может, ржаной.
Все мне поныне волшебю и ново
В этой картине родной.

Перевел Я. Козловский

Когда с обидой и печалью
Я жил на горестной земле,
Мне снился ты за дальней далью.
Цветок на каменной скале.
Чтоб перед пламенем согреться,
Вздувал я искорку в золе
И вновь к тебе тянулся сердцем,
Цветок на каменной скале.
Кровинкой рдея над туманом,
Ты, не взлелеянный в тепле.
Моим остался талисманом,
Цветок на каменной скале.

Перевел Я. Козловский

Охотник, волку в пасть втокнув кинжал,
Безжалостно швырял на землю зверя,
Но мотылька рукою отгонял
От пламени, зажженного в пещере.
Я тоже так на свете жить привык,
Жить, даже муравью добра желая.
Хочу, чтоб только чистую ледник
Гнал воду вниз, на солнце в зной сверкая.
Сижу, пишу, а за окном моим,

Играя, мальчик пробегает часто.
Хочу, чтоб счастье подружилось с ним.
Ведь это радость — видеть рядом счастье.
Пишу. А во дворе старик сидит,
И дерево задумалось с ним рядом.
Старик молчит, и дерево молчит,
Но оба смотрят вдаль спокойным взглядом.
А если будет вдруг подмят бедой
Старик, иль рухнет дерево от гуда
Ветров, иль мальчик станет сиротой,—
И я не буду счастлив. Нет, не буду.

Перевел Н. Коржавин

Я, над раненым камнем склонясь, горевал:
От огня почернел он, от горькой беды.
Он мне мертвым казался, и я тосковал,
Потому что хотел на нем видеть цветы.
Я над срубленным деревом в горе сидел,
Потому что хотел его видеть в листве,
Чтоб в тени его дети играли, хотел,
Чтоб лежала весь день его тень на траве.
Жизнь любить не до слез, не до боли нельзя.
Оттого-то и грустным порою я был:
Всех пропавших и павших оплакивал я,
Потому что живыми их очень любил.

Перевел Н. Коржавин
